

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Куриленко Екатерина Михайловна
студент второй ступени высшего образования 2 курса
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются взгляды зарубежных исследователей на генезис и развитие мезолитических культур белорусского Поозерья – кундской и памятников нарочанского типа.

Белорусское Поозерье один из природно-географических регионов нашей страны. Он занимает северную её часть, его южная граница проходит по линии Островец – Сморгонь – Вилейка – Докшицы – Псуя – Лепель – Новолукомль – Толочин – Осинторф [5, с. 6].

В данном регионе памятники эпохи мезолита рассматриваются в контексте кундской культуры и нарочанского типа. В настоящей публикации будут охарактеризованы мнения зарубежных авторов о мезолитических культурах белорусского Поозерья.

Начнём с рассмотрения взглядов на кундскую культуру. Её памятники известны на территории Восточной Прибалтики, Прионежья, юга Карелии, в бассейнах Западной Двины и Немана и в Припятском Полесье [1, с. 41]. В связи с тем, что культура Кунда локализуется на территории нескольких стран,

Л.Л. Зализняк обобщил и проанализировал все сведения об этом культурном явлении. Это хорошо видно из истории изучения кундской культуры, где он очень подробно излагает мнения различных специалистов, которые внесли огромный вклад в разработку проблематики памятников культуры Кунда.

Одним из таких проблем является вопрос генезиса рассматриваемого культурного явления. Всё началось с мнений Р. Индреко [8] и А.Я. Брюсова [1]: первый выводил мезолит с севера Восточной Европы, а второй с востока из Зауралья [8, с. 264; 1, с. 93]. В научных кругах до сих пор ведутся дискуссии по этому вопросу. По-видимому, для Л.Л. Зализняка это стало причиной более подробного анализа аргументов учёных в пользу высказанных теорий. Кроме этого, он пишет о том, что С.К. Козловский является давним приверженцем западных истоков мезолита таёжной зоны Европы с «сибирским компонентом» [3, с. 42].

Не осталось без внимания и мнение Л.В. Кольцова [4], который считал кудскую культуру продуктом синтеза Свидера, Маглемозе и Асколы [4, с. 75]. Особое место занимают работы учёных из Эстонии Л.Ю. и К.Л. Яанитсов [9], которые разработали современную периодизацию кундской культуры. Это результат огромного труда, который помог исследователям проследить взаимосвязь с памятниками культуры Кунда в Литве, Беларуси и Верхнем Поволжье. В своих работах они не обошли стороной и вопрос генезиса данного культурного явления. В итоге Л.Ю. и К.Л. Яанитсы не исключают возможности происхождения стоянок типа Пулли от Свидера, но также не исключают генезис кундской культуры с традициями верхнепалеолитических культур Десны и Днепра [9, с. 58-61].

По материалам работы Ф.А. Загорскиса и И.А. Загорска [2] в Латвии можно проследить, что они выводят кундскую культуру из свидерской [2, с. 62]. Как пишет Л.Л. Зализняк, к такому выводу эти авторы пришли на основе сопоставления кремневого сырья как стоянок культуры Кунда, так и свидерских [3, с. 43]. На таких позициях стоит и литовский исследователь Т. Остраускас. Кроме этого он пишет о том, что проникновение кудлаевского населения в бассейн Немана заставило кундское в конце пребореала мигрировать в северо-восточном направлении на территорию Латвии и Эстонии [11, с. 174].

В своей монографии «Мезолит заходу Східної Європи» [3] Л.Л. Зализняк не обошёл стороной мнения С.В. Ошибкиной и А.Н. Сорокина. Первая уверена в том, что аналоги материала постсвидерских стоянок можно встретить не только на кундских памятниках Латвии и Эстонии, но и в культуре Маглемозе Западной Балтии. На основе этого исследовательница полагает, что культуры Веретье и Кунда связаны между собой происхождением [6, с. 118]. Л.Л. Зализняк акцентирует внимание на том, что гипотеза С.В. Ошибкиной не имеет под собой оснований, так как не обнаружено параллелей между кремневым инвентарём культур Кунда и Веретье [3, с. 43-44].

Генезис кундской Л.Л. Зализняк поясняет миграцией населения бассейнов Немана, Верхней Припяти и Западной Двины в северо-восточном направлении [3, с. 42]. Исследователь акцентирует внимание на том, что, начиная с финального палеолита и до Средневековья, миграционные потоки населения проходили с запада в бассейн вышеперечисленных рек. Свою позицию Л.Л. Зализняк доказывает, исходя из сходства обработки кремневого сырья. По его мнению, пластинчатая техника обработки кремня закономерно привела свидерцев к отжимной технологии – постсвидерской [3, с. 43, 56-47].

При систематизации сведений о яниславицкой культуре Л.Л. Зализняк выделяет памятники типа Кусевщина [3, с. 137]. К ним относит стоянки Кусевщина, Струголапы, Сосёнки 3. Исследователь пишет о том, что эти памятники имеют своеобразный микролитический кремневый инвентарь, который не имеет сходства с известными в регионе мезолитическими культурами [3, с. 138]. Хотя археологический материал и содержит элементы яниславицкой культуры, памятники типа Кусевщина следует отделять от яниславицких. Такое сходство может говорить только о генетических связях, но никак не о культурной принадлежности. На основании этого Л.Л. Зализняк разделяет мнение М.М. Чернявского, что стоянки типа Кусевщина, возможно представляют ранний этап нарвской неолитической культуры [3, с. 139].

Российский исследователь А.Н. Сорокин много лет работает над вопросом генезиса кундской культуры. За это время в свет

вышло много его публикаций по данной проблематике, но одна из последних работ – монография «Очерки источниковедения каменного века» (Москва, 2016) [7] – обобщила все сведения, которые автор ранее уже опубликовал.

Здесь А.Н. Сорокин настаивает на том, что гипотезе происхождения кундской индустрии от свидерской не хватает источниковедческой достоверности. У него нет сомнений, что генезис культуры Кунда, а конкретнее её ранний этап связан с рессетинской культурой Волго-Окского междуречья [7, с. 168]. Этот взгляд автор уже многие годы доказывает на основе сравнительного изучения кремневого инвентаря стоянки Пулли с рессетинским, так как данный памятник является самым ранним в кундской культуре. Поэтому вопрос о происхождении изучаемого культурного явления исследователь напрямую связывает с проблемой генезиса пуллийской индустрии [7, с. 168-169].

На основе выводов эстонских коллег А.Н. Сорокин пишет об импортах сырья из Литвы и Беларуси, что позволяет говорить о миграциях пуллийского населения. Кроме этого, А.Н. Сорокин, что заселение Восточной Прибалтики сдерживалось валдайским оледенением.

Таким образом, освоение данного региона было связано с миграционными потоками либо мадленских и свидерских охотников, либо населения рессетинской культуры [7, с. 169]. Чтобы доказать это предположение А.Н. Сорокин сравнил материалы Пулли с кремневым инвентарём свидерских и рессетинских памятников. В результате, как полагает исследователь, пуллийское и рессетинское охотничье вооружение полностью соответствуют друг другу. А вот пуллийское и свидерское вооружение не имеет ничего общего между собой кроме приёма вторичной обработки наконечников стрел плоской вентральной ретушью [7, с. 169, 174].

В итоге А.Н. Сорокин пришёл к следующим выводам: 1) истоки пуллийской индустрии в Прибалтике, Беларуси и Польше отсутствуют; 2) нельзя говорить о сходстве охотничьего вооружения Свидера и Пулли; 3) родство вооружения стоянок Пулли и Рессеты 3 очевидна [7, с. 175].

Таким образом, А.Н. Сорокин привёл в доказательство аргументы, без учёта которых дальнейшее изучение вопроса о генезисе кундской культуры будет невозможно. Но исследователь не исключает другие варианты происхождения культуры Кунда, с учётом того, что предполагает два этапа заселения стоянки Пулли [7, с. 179]. В результате сегодня мы можем говорить о двух разных этапах заселения памятника, что позволяет рассуждать о бинарности комплекса, а возможно и об его бикультурности. Однако это требует дополнительных исследований, связанных в том числе с изучением полевых записей и коллекционных описей предшествующих лет [7, с. 180-181].

Таким образом, мезолитические стоянки белорусского Поозерья в зарубежных исследованиях рассматриваются в качестве связующих звеньев, которые позволяют проследить миграционные процессы. Однако это не решает проблему происхождения культурных явлений в данном регионе. Эта задача будущих научных изысканий.

Список использованной литературы

1. Брюсов, А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху / А. Я. Брюсов. – М., 1952. – 260 с.
2. Загорска, И. Мезолит Латвии / И. Загорска, Ф. Загорскис // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1977. – Вып. 149. – С. 69-75.
3. Зализняк, Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2009. – Вып. 12. – С. 58-94.
4. Кольцов, Л. В. Мезолит Волго-Окского Междуречья. Памятники бутовской культуры / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – М.: Наука, 1999. – 155 с.
5. Мерзвинский, Л. М. Биологическое разнообразие Белорусского Поозерья: монография / Л. М. Мерзвинский [и др.]; под ред. Л. М. Мерзвинского. – Витебск: УО «ВГУ имени П. М. Машерова», 2011. – 413 с.
6. Ошибкина, С. В. Кремневые наконечники на памятниках мезолита севера Восточной Европы / С. В. Ошибкина // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004. – С. 140-156.
7. Сорокин, А. Н. Диалог о генезисе культуры Кунда. Очерки источниковедения каменного века / А. Н. Сорокин. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 168-207.
8. Indreko, R. Die mittlere Steinzeit in Estland / R. Indreko. – Stockholm, 1948. – 427 s.

9. Jaanits, L., Jaanits, K. Ausgrabungen der fruhmesolithischen siedlung von Pulli / L. Jaanits, K. Jaanits // Известия АН ЭССР. – Таллин, 1975. – С. 56-63.
10. Kozlowski, S. K. Cultural differentiation of Europe from 10th to 5th millenium b.c. / S. K. Kozlowski. – Warsaw, 1975. – 259 p.
11. Ostrauskas, T. Mesolithic Kunda Culture. A Glimps from Lithuania / T. Ostrauskas // Munasaja Tiadus 8. – Tallin, 2000. – P. 167-180.